

Предисловие

Стоянка. Экспедиция Витторио Селлы на Кавказ. Ок. 1890. Фото В. Селлы

Повествование о подъёме на вершину горы Качкар, которое мы предлагаем читателю, — материал для литературного творчества Ильи Зданевича в значительной мере отправной. В нём впервые появляются мотивы, которые будут развиты в его последующих сочинениях. Впервые здесь слышится и голос самого Зданевича — человека, с вниманием и интересом наблюдающего за бытом высокогорных деревушек, испытывающего счастье от созерцания выразительных лиц, встреченных им в этих великолепных местах. Писатель любил общество горных людей и их тихую причудливость, любил вслушиваться в их мудрые и порою нелепые размышления, и его не покидало ощущение, что именно здесь сохранились начала всего удела человеческого. Этот небольшой, скрупулёзный, иногда довольно сухой рассказ содержит поэтическую силу, исходящую из глубин жизни. В нём воедино слиты художественные описания образов природы, персонажей и ситуаций, точные данные, обычно используемые в научной литературе или в журналистике, а также разнообразные отсылки к необычному историческому контексту 1917 года; в нём чувствуется и оттенок разочарования и меланхолии, характерный для произведений Зданевича «турецкого вдохновения». И весь этот колорит сочетается с энергией спортивного подвига.

Ещё до составления записей о Качкаре, в 1916–1917 годах, Зданевич опубликовал несколько текстов, посвящённых горным восхождениям, в научной периодике. Самый объёмный из них — «Две попытки восхождения на вершину Тбилисис-цвери (4 419 м) в группе Уилпаты» — вышел сначала в № 177 за 1916 год тифлисской ежедневной газеты «Кавказ» (6 августа) и затем был переиздан с некоторыми

изменениями в том XXV (№ 2–3) за 1917 год «Известий Кавказского отдела Русского географического общества»¹. Казалось бы, удивительно встретить имя Ильи Зданевича среди авторов «Известий», чья академическая серьёзность столь далека от высказываний, уже тогда сделавших его примером бескомпромиссного футуриста. Заметим, однако, что в каждый момент своей жизни и на каждом этапе работы Зданевич стремился внести свой вклад в ту или иную научную деятельность. Например, в период с 1948 по 1968 год он участвовал в шести съездах византистов и получил признание научного сообщества, хотя и не имел отношения ни к одному академическому заведению. Такая же научная эрудиция была свойственна всему его творчеству, в особенности когда он готовил свои неподражаемые книжные издания с иллюстрациями известных мастеров. Она давала ему возможности для точного исторического и текстологического исследования старинных авторов, — таких, например, как Адриан де Монлюк, — чьи забытые произведения он раскопал в библиотеках.

«Известия Кавказского отдела Императорского Русского географического общества» выходили в Тифлисе с 1872 года². В них публиковались труды не только по географии, но и по минералогии, ботанике, зоологии, а также этнографические и антропологические наблюдения. На самом деле всё, что мы знаем об универсальности вкусов и об интеллектуальных интересах Ильи Зданевича, даёт нам возможность предположить, что молодой человек жадно читал номера этого журнала. К тому же в научных кругах Тифлиса Зданевичей, безусловно, знали и ценили. Эта семья была частью местной интеллигенции, и Михаил Андреевич, отец, учитель французского языка в мужской гимназии города, был натуралистом-любителем. А тот факт, что Илья Зданевич был одним из первооткрывателей народного художника Нико Пиросманашвили и организатором дебютной выставки его работ, представляет Илью как защитника и ревнителя национальной культуры.

В том же номере «Известий» упоминается, что Зданевич прочитал в помещении Общества доклад, посвящённый его подъёму на Тбилисис-цвери, с диапозитивами. Уже в том XXIV «Известий» (№ 2) за 1916 год в разделе мелкой информации появилось объявление об издании статьи в «Кавказе»³. Этот текст, написанный, вероятно,

Михаил Андреевич
Зданевич.
Тифлис. Ок. 1890

самим Зданевичем, сообщает нам, что Илья был членом Кавказского отдела Императорского Русского географического общества⁴.

В самом деле, его первые экспедиции в горы привлекли к нему внимание тифлиских кавказоведов, его таланты исследователя и альпиниста были признаны в академических кругах. Кстати, фамилию Зданевича читатель «Известий» уже встречал на страницах журнала. В том же 1916 году, несколькими месяцами ранее, там появилась заметка о том, что «...в августе 1915 г. М.А. Зданевич и И.М. Зданевич совершили путешествие по Зап. Кавказу»⁵. Целью этого длинного (более 500 км) пешего перехода по горам между Кисловодском и Сенаки была ловля и описание новых видов бабочек, что вполне вменялось в рамки исследований, о которых шла речь в журнале. Эта небольшая заметка, написанная также самим Зданевичем, демонстрирует, что и Илья Михайлович, и его отец Михаил Андреевич обладали приличными знаниями по лепидоптерии.

Задача похода в горы группы Уилпаты отличается от цели поездки 1915 года. Речь идёт уже не о сборе бабочек, а об уточнении рельефа местности и закреплении топонимики труднодоступных вершин в центральной части Большого Кавказа. Гора Уилпата расположена в отдалённом регионе, на стыке грузинских и осетинских поселений, рядом с Военно-Осетинской дорогой, соединяю-

щей через Мамисонский перевал южные и северные склоны Большого Кавказа. Это труднодоступный край отдалённых сёл и дикой природы, сохраняющий в грузинской культуре ореол почти мифологической тайны и очаровывающий географов, историков, этнологов и лингвистов. Ещё мало кто из альпинистов отваживался туда отправиться, описания гор и карты были несовершенны, иногда ошибочны. Заметно, что Зданевич владеет обширной библиографией, включающей в себя все данные, которые в то время можно было иметь в своём распоряжении. Прочитав их, как бы смоделировав себя из опытов знаменитых предшественников, молодой автор приобрёл метод и словарь, позволившие ему подготавливать материалы подобного рода.

В частности, он взял за образец статью местного учёного, отца грузинского альпинизма Г.М. Кавтарадзе, опубликованную в том же «Кавказе» в 1891 году. Это неудивительно: Зданевич имел своей целью проверить наблюдения Кавтарадзе, которые долго подвергались сомнению, — по той причине, что они не подтвердили результатов первого исследователя региона известного венгра М. фон Деши. К тому же молодой альпинист подозревает ещё одну возможную ошибку и у Деши, и у немецкого альпиниста Мерцбахера, которые дали осетинское название горам, возвышающимся над населённой грузинами Рачинской областью. Кавтарадзе не являлся ни географом с

университетским образованием, ни настоящим альпинистом. Он был военным топографом и долгое время служил в армии, а завершил свою карьеру в качестве профессора Тифлисского университета. Кавтарадзе воспитал многих молодых учёных, увлечённых Кавказом, но, в отличие от Деши или Мерцбахера, международной известностью не пользовался. Очень любопытно увидеть у молодого Ильи ту черту характера, с которой мы часто сталкиваемся в будущем Ильязде, — выступать поборником справедливости. С подобной же целью, ради защиты памяти непонятого в своё время учёного, он в 1965 году делает книги об астрономе Эрнсте Вильгельме Леберехте Темпеле — «Искусство наблюдения Вильгельма Темпеля» и «65 Максимилиана, или Незаконное занятие астрономией».

Экспедиция в Тао-Кларджети. В правой машине на заднем сиденье справа — Эквтиме Такаишвили. 1917

С. 16. Экспедиция Морица фон Деши на Кавказ. Ледник Азау, Баксанская долина. 1885. Фото М. фон Деши

Ещё одна заметка, добавленная в конце того же номера, сообщает читателю «Известий» о поездке по Понтийскому хребту, совершённой Зданевичем в период его участия в исследовательской археологической экспедиции по территориям бывшего грузинского феодального государства Тао-Кларджети, расположенного в турецких регионах, захваченных российской армией во время Первой мировой войны. Эта короткая анонимная статья, до сих пор не упомянутая ни в одном библиографическом очерке творчества Зданевича, была написана самим Ильёй⁶. Суммируя то, что для читателя издания было самым важным в этом путешествии, автор почти не упоминает его археологической части, а обращает внимание на своё восхождение на гору Качкар, самую высокую точку Понтийской цепи, а также на описание встреченного им ландшафта. Целью изучения Качкарского массива была проверка существования вечного льда на Понтийском хребте, присутствие которого Зданевич действительно обнаружит. Он указывает маршрут, по которому двигался в обратном направлении, и отмечает, что грузинский язык, распространённый когда-то в этих регионах, частично сохранился в одном из ущелий. Но для нас, пожалуй, более значительно то, что

Экспедиция в Тао-Кларджети. В центре — Илья Зданевич (на лошади) и Ладос Гудиашвили (стоит), справа на белой лошади, в шляпе — Эквтиме Такашвили. 1917

Илья Зданевич (внизу) и Ладос Гудиашвили. Ошский собор. 1917

он описывает соседнюю с Качкаром вершину, не значащуюся ни на одной карте, и даёт ей впервые — именно здесь — имя своего друга художника Михаила Ле-Дантю⁷. Как раз к этой поездке относится публикуемый нами очерк «Восхождение на Качкар».

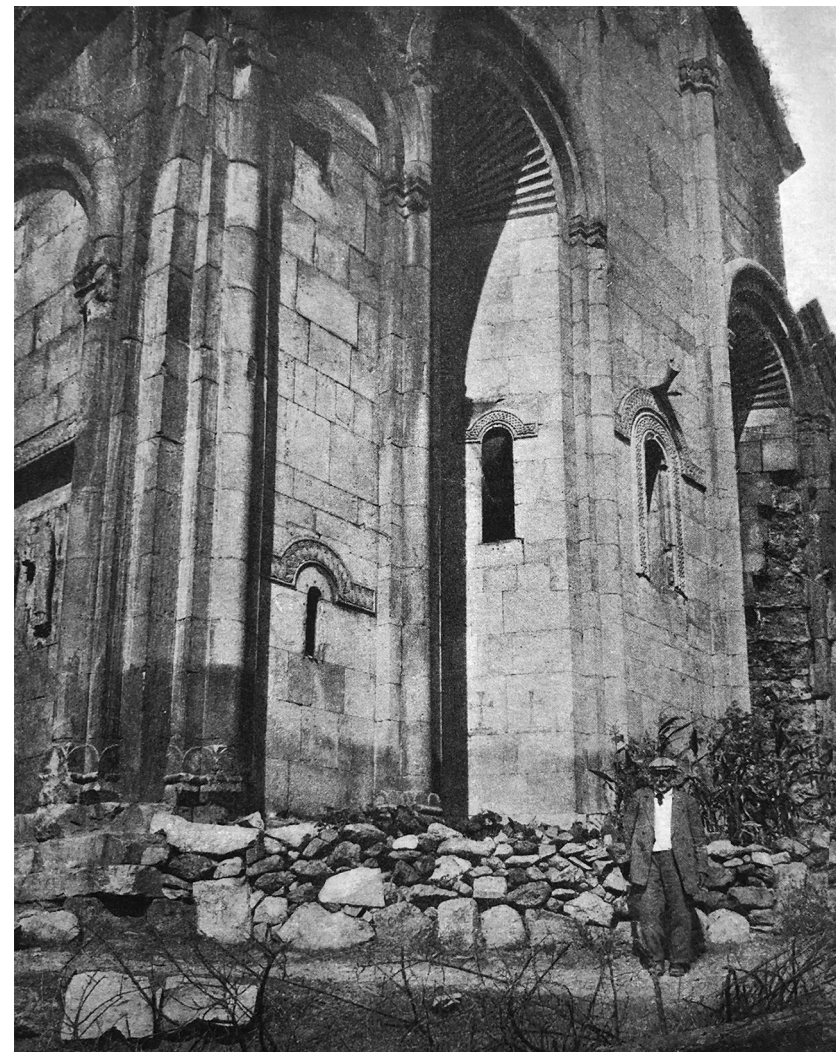
Сама тема восхождения на гору Качкар хорошо известна читателям прозаических произведений Зданевича — краткая история путешествия на северо-восток Турции составляет основное содержание первого письма из мемуарного повествования «Письма Моргану Филиппу Прайсу», сочинённого в 1929 году, и ещё раз она была изложена в первой главе автобиографического романа «Философия», написанного в 1930 году⁸.

Экспедиция по захваченным российской армией турецким территориям состоялась в августе-сентябре 1917 года под руковод-

ством известного грузинского историка и археолога Эквтиме Такайшвили⁹. Вместе с Такайшвили в ней приняло участие несколько талантливых молодых художников и интеллектуалов Тифлиса. Кроме И. Зданевича в группу вошли художники Ладо Гудиашвили, Дмитрий Шеварднадзе, Михаил Чиаурели, а также архитектор Анатолий Кальгин¹⁰. Роль Зданевича состояла в подготовке планов находящихся на этой территории древних грузинских церквей. Он измерил здания и снял планы соборов Ошки, Хахули, Ишхани, базилик Дорткилисе и Пархали и некоторых других менее значительных церковных сооружений¹¹. Молодой человек умел ходить по горам и жить в сложных условиях, он научился пользоваться теодолитом и угловым транспортиром для измерения высоты недоступных зданий, освоил искусство снятия планов с помощью логарифмических весов. В «Письмах Моргану Филиппу Прайсу» Зданевич рассказывает о нескольких этапах этого путешествия, непосредственно предшествующих его восхождению на Качкар. От руин Ишхани Зданевич и Шеварднадзе продолжают путь вдвоём, тогда как остальные члены группы отправятся в Тифлис. Они пойдут через покрытые лесом горы, столкнувшись поначалу с руинами Дорткилисской базилики, а затем доберутся до Пархалской базилики, следуя руслами рек. В Пархали Зданевич испытает момент сильной тоски. Группа русских солдат, встреченная им на пути, отдаст ему старый номер газеты, откуда он узнает о смерти своего друга художника Михаила Ле-Дантю, упавшего с поезда во время возвращения с фронта. После нескольких дней душевных страданий он завершит измерения храма и примет решение совершить в одиночку, с помощью проводника, подъём на гору Качкар, находящуюся примерно в двадцати пяти километрах от Пархали. Об этом пути из Пархали на вершину горы Качкар и обратно повествуется в публикуемом очерке.

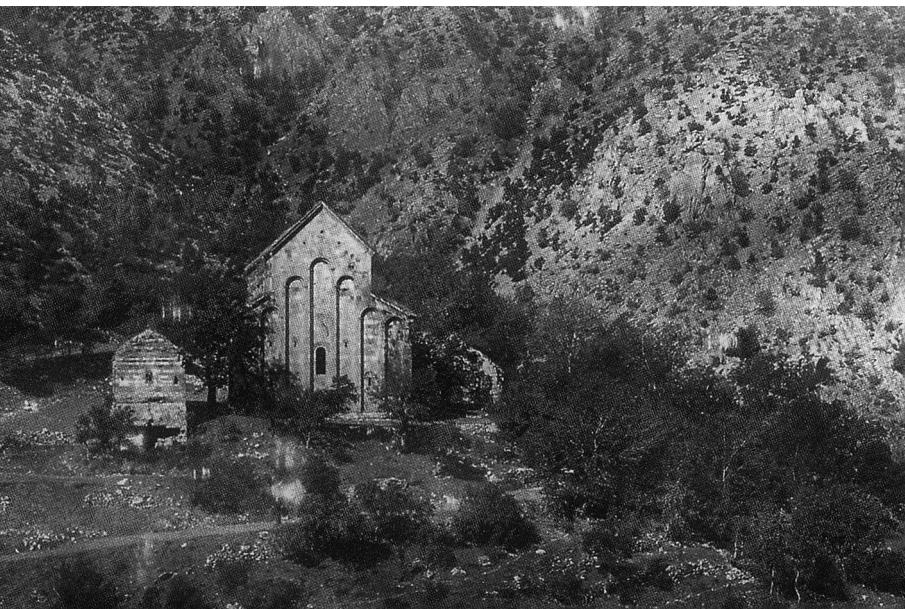
В «Письмах Моргану Филиппу Прайсу» много написано об историко-политической обстановке 1917 года, а также о том, что после тяжёлого душевного состояния в Пархали поход на Качкар имел катарсическое воздействие: «Опять возвышалась рожа забвенной было и ненавистной России. С какой яростью я узнавал её! <...> Заблуждение кончилось. За развалинами, логарифмами, за созвездиями незаметно прошло время, в течение коего я надеялся совершить столько дел и ничего не успел»¹². Этот контекст упоминается

Эквтиме Такайшвили на фоне восточного фасада Ошского храма. 1917. Фото из книги Э. Такайшвили «Археологическая экспедиция 1917-го года в южные провинции Грузии» (Тбилиси, 1952)

и в рассказе о восхождении на Качкар. Целая его главка посвящена политическим дискуссиям с жителями небольшой деревни Меретет у подножия горы. В этом регионе, где границы менялись несколько раз, где малые народы оказываются разорванными между империями и религиями, политика неотделима от национальных вопросов. Вопрос о малых народах, попавших в ловушку во время войны между империями, занимал Зданевича с начала войны, когда русским войскам очень быстро удалось завоевать треть Анатолии.

Здесь мы должны ненадолго вернуться назад и взглянуть на деятельность Зданевича в период с 1915 по 1917 год. С 1915 года и на протяжении 1916-го он опубликовал в издававшейся в Тифлисе газете «Закавказская речь» несколько писем в знак протеста против политики переселения народов и в защиту турецких военнопленных, гражданского населения оккупированных областей, а также народности лазы, населяющей южное побережье Чёрного моря. Самое длинное и подробное его письмо под заголовком «Лазы

Михаил Чиаурели.
Шарж на Зданевича.
Бумага, карандаш, акварель.
1917

С. 22. Общий вид с востока
на базилику Отхта-эклесиа
(Дорт-Килис) и малую церковь.
1917. Фото И. Зданевича

и переселенческий вопрос» вышло в этой газете 8 мая 1915 года (№ 89). В нём он ответил на протесты консервативного «Нового времени» после его же письма, выпущенного 10 марта в петроградской «Речи» (№ 67), где он настаивал на том, что после будущей победы над турками России необходимо содействовать возвращению переселившихся в западную Турцию лазов на их исконные земли. Соображения его оппонентов-реакционеров были таковы: ведь эти лазы — дикие азиаты-мусульмане, пускай они останутся в Турции. Зданевич заступает за лазов, но его письмо идёт дальше. Опираясь на исторические примеры, он показывает недалёковидность самой переселенческой политики и провозглашает в качестве абсолютного принципа защиту гражданского населения и отказ от переселений. Весной 1916 года, прибыв вместе с английским журналистом и будущим политическим деятелем Морганом Филипсом Прайсом¹³ в только что захваченный русскими войсками Трапезунд, он продолжил отстаивать свою позицию в нескольких письмах с фронта, опубликованных уже не в Тифлисе, а в петроградской «Речи». 8 июня 1916 года в британском ежедневнике «Manchester Guardian» появ-

ляется манифест, подписанный Прайсом и Зданевичем, где раскрывается невыносимое положение мусульманских беженцев, мирных турок и лазов, на которое их обрекли военные действия русской армии и пассивность международной общественности по этому вопросу¹⁴.

Его сотрудничество с газетами Конституционно-демократической партии даёт представление о его тогдашней политической ориентации. Но следует отметить, что в «Закавказской речи» выступали, хотя и не показывая явно свои убеждения, не только местные сторонники партии кадетов, но также и грузинские сепаратисты. Сам Зданевич в «Письмах Моргану Филипсу Прайсу» упоминает о своей тогдашней близости к тем, кто стремился к большей автономии Грузии, даже к её суверенитету. Эта близость объясняется прежде всего общей ненавистью к российской «тюрьме народов»: «Мы мечтали теперь о распаде её на сотню республик, и что преобразование

Морган Филипп Прайс.
Кавказ. 1916

С. 25. Семья лазов.
1910-е

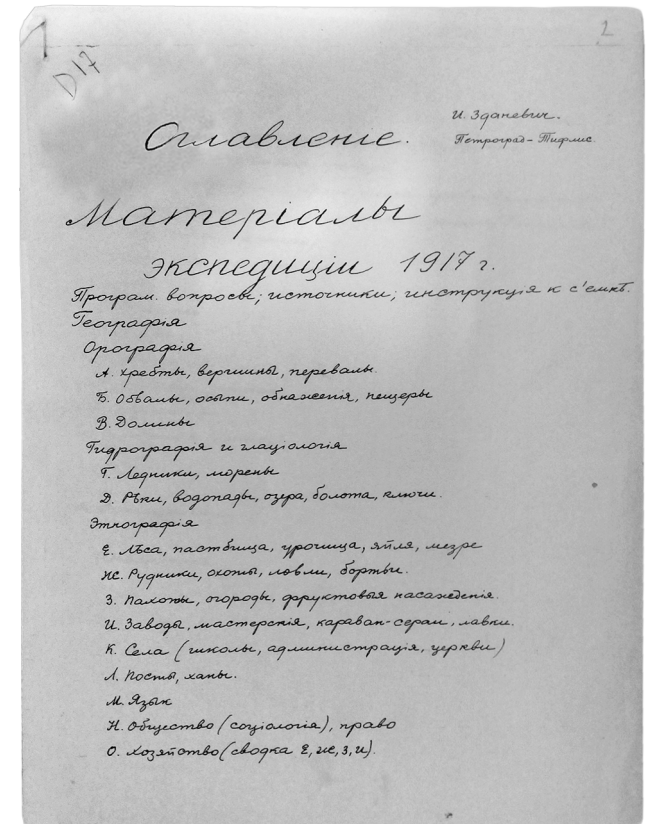
самой России в скромное государство с выходом в Ледовитый океан сможет нас, наконец, примирить с нею»¹⁵. В этот контекст, вероятно, и нужно поместить как попытки восхождения на Тбилисис-цвери, так и участие в экспедиции профессора Такаишвили. Топонимическая работа Зданевича в районе горы Уилпата имела, скорее всего, не только научное, но и политическое значение. С одной стороны, немаловажно отметить, что это исследование ведётся во время Первой мировой войны, и что двое учёных, чьи мнения Ильи Зданевич намерен опровергнуть, — это венгр (Деши) и немец (Мерцбахер). С другой стороны, существенно то, что работа Зданевича была ориентирована на возвращение грузинских имён вершинам, до сих пор известным в литературе под своими осетинскими именами. А экспедиция Такаишвили проходила при таких политических обстоятельствах, когда уже не было русской монархии, когда очевидной стала полная дезинтеграция государственных органов, когда можно было предвидеть, что различным окраинам бывшей империи придётся уже практически столкнуться с вопросом о независимости. Такаишвили сам был сторонником суверенитета Грузии: вскоре он начнёт играть значимую роль в её новой организационной структуре —

26 мая 1918 года он подпишет Декларацию независимости Грузии, а затем будет избран на должность заместителя председателя в Учредительном собрании Грузинской Демократической Республики. Таким образом, у экспедиции Такаишвили помимо чисто научных интересов была и политическая цель: обнаружить реальные следы грузинской культуры на землях, которые были турецкими на протяжении нескольких веков, для того чтобы в том весьма вероятном случае, когда эти территории станут объектом переговоров об их аннексии будущей независимой Грузией, опираться на конкретные доказательства. Всё это путешествие проходило не без восторженного романтизма: «...мы воображали, что едем перестраивать историю, что судьба Чороха зависит от нас, наша поездка будет началом возрождения заброшенных с XII века стран...»¹⁶

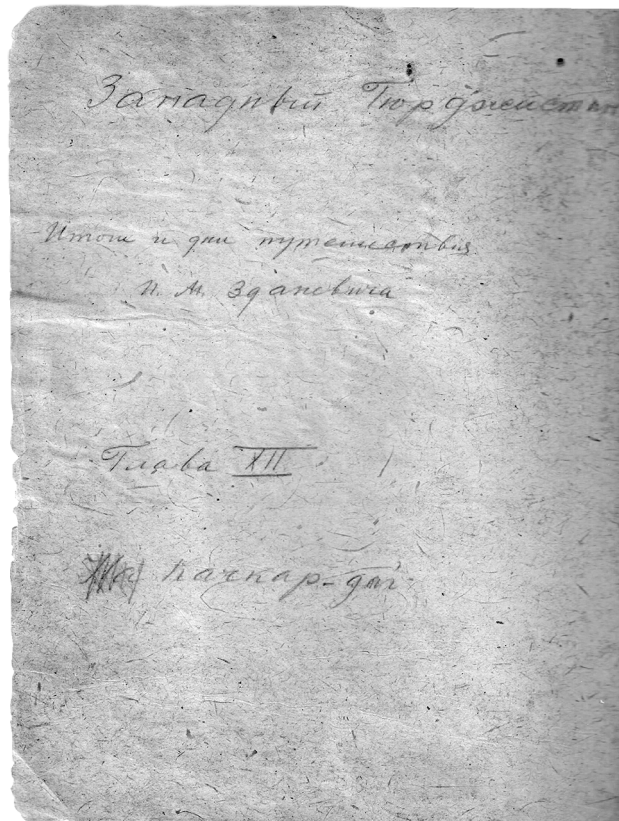
Неудивительно, что в тексте о Качкаре важное место уделено антропологическим, этнографическим и лингвистическим соображениям. Это те научные дисциплины, которыми Зданевич был очарован, и переплетение различных языковых систем, присутствие армянских или грузинских лингвистических субстратов, особенно ощутимых в топографии, могли только восхитить молодого человека. В нашем издании представлено ещё несколько интересных документов, относящихся к экспедиции 1917 года: проект маршрута экспедиции с указанием наиболее важных этапов в исследуемых регионах на протяжении 780 вёрст от Тифлиса; программа работ, где прежде всего выделены вопросы географические, а также антропологические и этнографические, свидетельствующая, что археологические исследования, по крайней мере, для Зданевича, были не единственной целью этого путешествия; наконец, оглавление книги, посвящённой материалам тифлисской экспедиции, объёмную часть которой также планировалось посвятить этнографии¹⁷. Хотя этот книжный замысел так и не увидел свет, он смог послужить основой для сбора материалов различными членами группы Такаишвили.

Приглашение Такаишвили участвовать в экспедиции Зданевич получил в Петрограде в мае 1917 года. Он там был и в феврале, когда началась революция, принимал участие в демонстрациях. После падения монархии, в период с 10 по 15 марта (ст. ст.), он как представитель самого левого фланга футуризма участвовал в заседаниях

Материалы
экспедиции
И. Зданевича
в южную Грузию.
Авторская рукопись

Союза деятелей искусств всех отраслей, где обсуждалась возможность создания Министерства искусств. Будучи настроен к этой идее враждебно и ратуя за полную свободу искусства, Зданевич играл активную роль в организационных дебатах Союза. Он являлся сторонником наиболее демократичной позиции, отрицающей любые формы государственного контроля над творческими работниками, и выступал за то, чтобы решения Союза принимались на основе всеобщего участия и полного равенства, без каких-либо ограничений. Он требовал, чтобы Союз не забывал о многочисленных провинциальных коллективах, о молодых художниках, не имеющих опыта и заслуг, а также о тех, кто вынужден сидеть в окопах. Поэт призывал

Форзац тетради
И. Зданевича
с XII главой
задуманной им книги
«Западный Гюрджистан».
Авторская рукопись

к созыву учредительного собрания творческих работников искусства, настаивая на полной автономии художественной деятельности и учреждении подлинного художественного подданства, должно стать заменой всякого другого гражданства в документах художников¹⁸. Вся эта программа самоуправления была отвергнута, а самого Зданевича в комитет Союза не пустили. Так что приглашение Такашвили, дошедшее до него лишь через несколько дней после того, как министр иностранных дел Временного правительства П. Милюков пообещал союзникам продолжение войны и аннексии новых территорий, оказалось для него, скорее всего, удачным выходом из этой душной атмосферы.

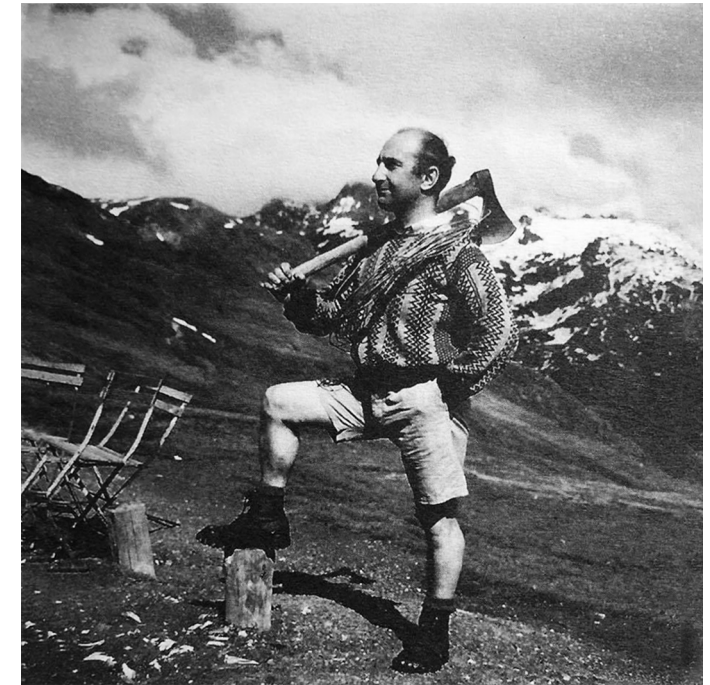
Участвуя в экспедиции по северо-восточной Турции, Зданевич, как нам представляется, решил исследовать население этих территорий с целью защитить их жителей — лазов, бывших грузин, называющихся греками, мусульманских армян, турок... — от переселения и всяческого насилия, в том числе и от будущей грузинской власти. Вскоре после его возвращения в Тифлис политическая ситуация резко переменилась. В Петрограде к власти пришли большевики, и Закавказье провозгласило независимость. Вскоре в Тифлис стали приезжать художники, музыканты, поэты, там оказались Алексей Кручёных и Игорь Терентьев, вместе с которыми под маркой «41°» он написал новую, блестящую страницу своего творчества.

И всё же в сентябре 1918-го, через год после экспедиции, Зданевич нашёл время записать рассказ о своём восхождении на Качкар. Текст должен был представлять собой двенадцатую главу задуманной им книги «Западный Гюрджистан. Итоги и дни путешествия И.М. Зданевича в 1917 году», но остальные части этого проекта так никогда и не были подготовлены, так же как и подглавка, посвящённая истории исследований о Качкаре. Кажется, у него уже не было охоты писать научную работу, и поэтическое содержание путешествия стало постепенно изменять значение этого приключения для самого автора. Зданевич подробно рассказывает о путешествии, указывая все географические детали, позволяющие следить за движением на местности, он отмечает, с какими людьми встречается, их физические и языковые характеристики, их историю и обычаи, а также предметы, одежду и среду обитания. Это точный отчёт, написанный на профессионально-техническом языке, основанный на научных знаниях в области географии, лингвистики, антропологии, и соединение этих различных сфер на фоне описания удивительной природы и необычного образа жизни даёт неожиданное ощущение вхождения в мир огромной поэтической силы. Рассказ о Качкаре становится оригинальным сырьём для историй, написанных Зданевичем позднее, во второй половине двадцатых годов, то есть через десятилетие после самого восхождения и при совершенно других обстоятельствах — в Париже, уже в семейной обстановке и в ситуации ежедневной довольно нудной работы директором одной из фабрик Коко Шанель. Эта сила ощутима уже в «Письмах Моргану

Филипсу Прайсу» и в «Философии», но во всю мощь она разовьётся в романе «Восхищение». Там, гора — главный герой повествования. А многие элементы того, что Зданевич наблюдал во время различных горных путешествий, присутствуют в романе в едва переработанном виде¹⁹. Об этом влиянии своего опыта восхождений Зданевич рассказал в письме, написанном в 1928 году в издательство «Федерация» в ответ на критику своей книги: «Я переработал в моём романе впечатления, собранные мной в течение долгих путешествий по родному мне Кавказу. Я жил с пастухами на границе льдов, восходил на девственные вершины, бродил месяцами из села в село, встречался с разбойниками, охотился, десятки раз плавал вдоль берегов и дружил с рыбаками. На пастбищах и в деревнях я часто просиживал ночи, слушая рассказы, легенды или расспрашивая о нравах и быте»²⁰.

Зданевичу удалось совершать многодневные походы по горам вплоть до преклонного возраста. Уже в эмиграции, в двадцатые и тридцатые годы, писатель неоднократно совершал путешествия по Альпам. В его архиве, в частности, можно обнаружить рукопись неоконченного труда на французском языке «Прогулки и восхождения летом 1923 года и весной 1924 года в департаменте Верхняя Савойя». В сентябре-октябре 1934 года он совершил длительное, более чем 500-километровое путешествие пешком из Франции в Испанию, передвигаясь по Пиренеям в поисках старинных церквей в форме ротонды. Спустившись в Барселону, Зданевич остановился там на длительное время, чтобы снять план баптистерия в Террасе²¹, а затем продолжил путь через Барселону и Тарагону до города Морелла. О своём путешествии по Пиренеям он написал повествование «Путь в Таррасу», а также сделал описания встреченных им в дороге церквей, в архитектуре которых он обнаружил точное происхождение, родство с древнегрузинскими храмами²². В пятидесятые и шестидесятые годы он часто пересекал пешком предгорья Альп между деревней Триганс в Верхнем Провансе, где купил себе домик, и Экс-ан-Провансом, где у него было несколько друзей, странствуя по местам, напоминающим ему о родной Грузии.

Практика длинных горных поездок, укоренившаяся в семье Зданевичей и бывшая предметом увлечения Ильи ещё в подростковом и даже в детском возрасте, перекликалась с эстетическими

Илья Зданевич во Французских Альпах. 1939

высказываниями философских или художественных школ, для которых гора имела высокий символический смысл. Если любовь к горам, несомненно, находит своё начало в его юности, то встреча с ницшеанством поначалу, скорее всего, через призму символизма, придаст этой страсти теоретическое содержание. Неизвестно, читал ли молодой Илья произведения Ницше, весьма популярного среди русской молодёжи начала XX века благодаря переводам Ю.М. Антоновского. Однако такое предположение вполне вероятно. У Ницше, особенно в его самом известном произведении того времени «Так говорил Заратустра», гора — это больше, чем пространство, «...где негодяй и святой становятся более или менее похожими существами», это сама свобода, равенство и братство, а опьянение от восхождения приближает человека к космосу, заставляя его противостоять в одиночестве, лицом к лицу, пылающему солнцу или

ледяным просторам Млечного Пути. Не зря поэт Колау Чернявский, которому Зданевич послал копию машинописи своего романа «Восхищение», упоминает дух Заратустры в письме, когда комментирует роман²³. Французский философ Гастон Башляр пишет, что «Ницше терпеливо муштровал свою волю к власти долгими походами в горы, жизнью на вершинах, открытых семи ветрам. На вершинах же он возлюбил “суровое божество дикой скалы”. Мысль на ветру, саму

Экспедиция
Витторио Селлы
на Кавказ.
Ок. 1890.
Фото В. Селлы

ходьбу он превратил в битву. Лучше сказать, ходьба и есть его битва. Именно она придает Заратустре энергичную ритмичность. Говорит Заратустра, не сидя на месте, и не уподобляется перипатетикам, которые разговаривали, прогуливаясь. Учение своё он возвещает, энергично шагая. Он бросает его четырём небесным ветрам»²⁴.

То, что Башляр пишет про рождение философии у Ницше, можно повторить и применительно к рождению поэзии у Ильязда. Анализируя произведения Зданевича гимназического периода, Галина Марушина раскрыла весь «космизм» ранних стихотворений Ильи и показала, как символисты первого поколения Брюсов, Бальмонт, Сологуб, модные в его молодые годы, были вдохновителями того мистического отношения к природе, которое присутствует во всех его ранних стихах, и в частности, в солнечном мифе и в постоянно упоминаемом культе Солнца²⁵. В исследовании говорится о его «страстном желании слиться со всей вселенной», восходящем к Бальмонту, а через него — к Ницше... Отметим, что именно горные пейзажи — скалы, поднимающиеся навстречу солнцу, горные потоки, ущелья, а также морские пространства, обнаруживаемые с вершин гор, — часто служат фоном для этих стихотворений, сочинённых, если верить довольно таинственным подписям, которыми они заканчиваются, среди самой природы. А неизданный Зданевичем сборник стихов 1906–1913 годов «Икар», полностью посвящённый гордому восхождению человека на Солнце, открывается стихотворением «Умиравший сокол», где мы находим скалы, ущелья и бездны.

Восхождение на горы — это возвышение из мира людей в мир богов, из мира смертных в вечность. Заглавие этого рукописного сборника дано в честь человека, который хотел оставить свое земное состояние и соперничал с Солнцем. Впоследствии, в 1914–1915 годах, реминисценция Икара встретится и в близком к мотиву альпиниста мотиве авиатора. Так происходит в стихотворении «гарОланд» и в стихах о Жюле Ведрине. Но этот вариант поэтики восходящего движения — механистический, технологический, новейший, находящийся более всего во вкусе итальянского футуризма, — останется в творчестве Зданевича изолированным.

Взбираться на горы, приближаться к солнцу, как бы спасаясь от земного притяжения, — это также стремление быть предвестником, быть первым, кто достигнет вершин. Свойственная футуризму

идея первенства прекрасно сочетается с понятием горы как места, где торжествует сверхчеловек, взойшедший на вершину и оттуда указующий путь. У футуристов образ восхождения, противостоящий нисходящему движению декадентства-декадана и являющийся метафорой освободительного бунта, гораздо более убедителен, чем довольно оторванная от жизни идея космизма у символистов. Образ восхождения на горы постоянно присутствует как метафора жизни нового человека в манифестах итальянских футуристов, которые Зданевич пропагандирует между 1912 и 1914 годами, то есть в период, непосредственно следующий за его стихами, вдохновлёнными символистами. А в апреле 1914 года он читает доклад «Раскрываю лица», дав ему подзаголовок «Разговор о Гауризанкаре». В этом докладе, имея целью объяснить практику росписи лица и представить Гончарову, Ларионову и самого себя как самых важных и единственных настоящих новаторов, он использует тему восхождения на горы как метафору борьбы за превосходство в русском футуризме, бушевавшей между ними и соперничающей с ними группой «Гилея». Название горы Гауризанкар, которую тогда часто путали с крышей мира Эверестом, уже использовалось главой итальянского футуризма Маринетти²⁶. Но сам по себе текст выступления Зданевича значителен необычным поэтическим качеством, намного превосходящим простой программный текст футуристической группы, всеми подробностями, показывающими в этом повествовании настоящее, личное, даже, можно сказать, интимное знание гор.

Характерно, что слова «девственные вершины» повторяются в обеих историях о восхождениях — в рассказе о попытках подъёма на Тбилисис-цвери и в главе о Качкаре. Эти восхождения неотъемлемо связаны с тематикой чистоты, в других местах ассоциирующейся с мотивом снега (например, в «Восхищении»). Поэт-первооткрыватель не повреждает гору, на которую он взойшёл, он показывает её впервые людям и тем самым рождает её, даёт ей новое начало. Поэту при родах помогают слова. У Кручёных в «Декларации слова как такового» есть такие фразы: «Слова умирают, мир вечно юн. Художник увидел мир по-новому и, как Адам, даёт всему свои имена. Лилия прекрасна, но безобразно слово "лилия", захватанное и "изнасилованное". Поэтому я называю лилию "еуы" — первоначальная чистота восстановлена».

Экспедиция Морица фон Деши на Кавказ. На леднике Адыр-Су. 1887.
Фото М. фон Деши

Дать имя — это что-то вроде совершить первое восхождение. В каждом из этих «Восхождений» автор-альпинист именует вершину — или новый вид бабочек. Они — ключи поэтического мира Зданевича.

Режис Гејро

- 1 См. эту статью в Приложении I.
- 2 До 1917 г. они назывались «Известия Кавказского отдела Императорского Русского географического общества». Выпуском 2–3 т. XXV за 1917 г., вышедшим в январе 1918 г., завершится история этого журнала и общества, деятельность которых прекратилась с момента объявления независимости закавказских республик.
- 3 Заметку «Восхождения» см. в Приложении I.
- 4 См. также в мемуарном тексте 1927 г.: «С детства брат мой и я брали уроки живописи <...>, позже изучали грузинскую старину (с каковой целью немало путешествовали) и были неперенными посетителями всяческих обществ города — художественных, археологических, музыкальных, географических и прочих» (см.: Из архива Ильи Зданевича / Публ. Р. Гейро // Минувшее: Исторический альманах. № 5. Париж: Atheneum, 1988. С. 161; 2-е изд. М.: Прогресс; Феникс, 1991. С. 161).
- 5 Заметку «Поездка М.А. Зданевича и И.М. Зданевича по Карачаю и Мингрелии в 1915 году» см. в Приложении I.
- 6 Заметка о поездке по Понтийскому хребту включена под именем Зданевича в научную библиографию в брошюре: *Zdanevitch I. L'itinéraire géorgien de Ruy Gonzales de Clavijo et les églises aux confins de l'Atabégat*. Trigrance, 1966. Р. 16. Заметку «Исследования в Понтийском хребте» см. в Приложении I.
- 7 Именно эта подробность позволяет нам неоспоримо приписать авторство заметки Зданевичу. Подтверждением тому служат и слова из повести «Письма Моргану Филиппу Прайсу»: «Но горцы запротестовали, указывая, что эта вершина без названия (которую впоследствии в «Известиях Кавказского отдела Русского географического общества» за 1918 год я окрестил вершиной Ледантю — 3 800 м) не есть высшая точка, а таковая, Качкар ом именуемая, находится вправо от нас...». См.: *Ильязд*. Письма Моргану Филиппу Прайсу / Предисл. и примеч. Р. Гейро. М.: Гилея, 2005. С. 44. Без сомнений, автор имеет в виду эту маленькую заметку из т. XXV за 1917 г., выпущенного, как указано выше, в январе 1918 г.
- 8 См.: *Зданевич И. (Ильязд)*. Философия футуриста: Романы и заумные драмы / Предисл. Р. Гейро; подг. текста и комм. Р. Гейро и С. Кудрявцева. М.: Гилея, 2008. С. 187–202.
- 9 Эквтиме Семёнович Такашвили (1862–1953) — историк, археолог и общественный деятель. После вторжения в Грузию Красной армии и падения демократической республики эмигрировал во Францию вместе с правительством Н. Жордания. Вернувшись после Второй

мировой войны в СССР, окончил свои дни в Тбилиси под домашним арестом.

В Париже отношения между Зданевичем и Такашвили продолжились. Такашвили, намеревавшийся издать результаты экспедиции 1917 г., в 1929 г. связался со Зданевичем, у которого были нужные подготовительные материалы. Кроме этого, только у него имелись логарифмические расчёты, необходимые для составления планов Пархали и Дорткилисе, так как эти храмы в 1917 г. учёный не посетил. Некоторые материалы у Зданевича отсутствовали, и весной 1930 г. он обратился к своему коллеге по экспедиции 1917 г. директору Национальной галереи Грузии Д.И. Шеварднадзе с просьбой найти и выслать ему необходимые фотоснимки (ответное письмо Шеварднадзе от 23 июня 1930 г. опубл. в Приложении III к наст. изд.). В течение нескольких лет Зданевич помогал Такашвили составить целое собрание планов храмов, а также передал ему копии своих фотографий. Такашвили смог издать эту кн., лишь вернувшись в Грузию. См.: *Такашвили Э.С.* Археологическая экспедиция 1917-го года в южные провинции Грузии. Тбилиси: АН ГССР, 1952. Это издание Зданевич увидел не ранее 1959 г. и был многим в нём возмущён. Составленные им планы были опубл. без указания его авторства, анонимно были воспроизведены и сделанные им фотографии. Наконец, его имя вовсе не упоминалось среди членов экспедиции. Но вряд ли могло быть иначе с человеком, который в СССР считался эмигрантом. Зданевич заметил в кн. и немало ошибок. Он написал трёхстраничное письмо по-французски президенту Грузинской академии наук, издавшей монографию, однако неизвестно, было ли оно отправлено. Кроме жалобы на то, что его «забыли», в письме есть и много интересного для исследователей — разные поправки и комментарии, свидетельствующие о том, что Зданевич по-прежнему с большим вниманием относился к этим вопросам.

- 10 Ладос (Владимир) Давидович Гудиашвили (1896–1980) — живописец и иллюстратор, был близок к группе поэтов-символистов «Голубые роги», с 1919 до 1926 г. жил в Париже, где участвовал в вечерах и балах, устроенных Зданевичем. Там получили успех его картины, в которых смешаны груз. фольклор и сюрреалистическая грёза. В 1926 г. вернулся в Грузию, где оставался до конца жизни. О Д.И. Шеварднадзе см. примеч. 9 и Приложение III к наст. изд. Михаил Эдишерович Чиаурели (1894–1974) — художник, скульптор, театр. режиссёр и актёр, известный больше всего как кинорежиссёр.

Во время экспедиции написал акварелью два карикатурных портрета Зданевича (см. с. 23 и с. 187 наст. изд.). Анатолий Николаевич Кальгин (1875–1943) — архитектор, одним из первых в оформлении фасада здания использовал сочетание современной конструктивной основы с традиционно груз. формами и декоративными мотивами. Во время экспедиции делал зарисовки храмов Ошки, Хахули и Ишхани. Именно он научил Зданевича снятию планов.

- 11 Храмы, планы которых были сделаны Зданевичем, находятся в брошюре: *Zdanevitch I. L'itinéraire géorgien de Ruy Gonzales de Clavijo et les églises aux confins de l'Atabégat*. P. 12, 14. Кроме соборов Ошки, Хахули, Ишхани, базилик и руин бывших монастырей Дорткилисе (Отхты) и Пархали, это — церкви Мухладжигилиси, Кале Дорткилисе (храм при монастыре), Согук Бакче, Ашпишен, Ис, Экек, Сохторот (ныне Доруклу).
- 12 См.: *Ильязд*. Письма Моргану Филиппу Прайсу. С. 40–41.
- 13 Морган Филипп Прайс (Morgan Philips Price, 1885–1973) — журналист, военный корреспондент “Manchester Guardian” на Кавказском фронте, корреспондент в Германии, политический деятель, член Либеральной партии, затем Лейбористской партии, депутат от этой партии в Парламенте (1929–1931 и 1935–1959). Написал кн. “My Reminiscences of the Russian Revolution” (1921), в которой выразил симпатию к большевикам.
- 14 См.: *Прайс М.Ф., Зданевич И.* Мусульманские беженцы в Малой Азии // Кудрявцев С. Заумник в Царьграде: Итоги и дни путешествия И.М. Зданевича в Константинополь в 1920–1921 годах. М.: Grundrisse, 2016. С. 169–170. Пер. с англ. М. Лепиловой.
- 15 См.: *Ильязд*. Письма Моргану Филиппу Прайсу. С. 27.
- 16 См.: Там же. С. 28.
- 17 См. Приложение II.
- 18 См.: Стенографический отчет собрания деятелей искусств всех отраслей. 12 марта 1917 года, 2 часа дня. Михайловский театр. Под председательством В.Д. Набокова. Маш. ЦГИА СПб. Ф. 794, оп. 1, д. 4 (1917–1918 гг.). 92 л.
- 19 Об этих мотивах см. наше предисловие к «Восхищению» в кн.: *Ильязд*. Собр. соч. в 5 т. Т. 2. Восхищение: Роман / Предисл. Р. Гейро. Под ред. Т. Никольской. М.; Дюссельдорф: Гилея; Голубой всадник, 1995; перепеч. в кн.: *Зданевич И. (Ильязд)*. Философия футуриста. С. 714–741.
- 20 Цит. по рукописи, находящейся в архиве И.М. Зданевича, Марсель. В 1928 г. Зданевич послал московскому издательству «Федерация»

рукопись романа «Восхищение», однако его предложение было отвергнуто. Основные упреки касались мистицизма повествования и безграмотности языка.

- 21 Терраса — город в Каталонии, в провинции Барселона. В Террасе расположены храмы, относящиеся к вестготским временам (IV–VI вв.), в том числе древнейший баптистерий (крестильня), находящийся в крипте церкви Санта Мария (XII в.), который Зданевич считал остатком архаичной круглой церкви. Терраса — используемое сегодня название города на катал. языке. Зданевич употребляет исп. (кастил.) вариант Тарраса, принятый в Испании до 1979 г.
- 22 По пути он вёл дневник, которому дал название «Испанская увертюра». В 1935 г., вернувшись домой, он сделал два архитектурных описания — «Круглые церкви Побла де Лильет и Льюиса» и «Баптистера Таррасы». Все эти тексты, а также «Путь в Таррасу» не опубликованы.
- 23 Письмо от 19 марта 1928 г. Чернявский разделял со Зданевичем страсть к поездкам по горам и к исследованию нравов их жителей. Именно к нему обратился Зданевич в 1932 г. с просьбой найти в его записках, оставленных в Тифлисе после его отъезда в Париж, несколько материалов о старых груз. сказках, которые он слышал от жителей долины р. Чорох. См.: *Гейро Р.* Илья Зданевич и Николай Чернявский // Творчество В.В. Маяковского. Вып. 3: Текст и биография. Слово и изображение. М.: ИМЛИ РАН, 2015. С. 572–593.
- 24 См.: *Башляр Г.* Вода и грёзы. Опыт о воображении материи / Пер. с фр. Б.М. Скуратова. М.: Изд-во гуманитарной лит-ры, 1998. С. 223.
- 25 См.: *Зданевич И.М.* Произведения гимназического периода / Публ. Г. Марушиной // Терентьевский сборник. 1998 / Под общ. ред. С. Кудрявцева. М.: Гилея, 1998. С. 257–317.
- 26 В манифесте «Убьём лунный свет!», опублик. в журнале “Poesia” (№ 7–9, 1909), см.: *Маринетти Ф.Т.* Убьём лунный свет! // Итальянский футуризм. Манифесты и программы. 1909–1941. В 2 т. Т. 1. Героический футуризм: риторические жесты и художественные программы / Сост., предисл., вступ. к разделам, коммент., крат. свед. об авторах и библиогр. Е. Лазаревой. М.: Гилея, 2020. С. 32–43. Текст доклада Зданевича см. в кн.: *Зданевич И.* Футуризм и всѣчество. 1912–1914. В 2 т. Т. 1 / Сост., подг. текстов и коммент. Е.В. Баснер, А.В. Крусанова и Г.А. Марушиной, общ. ред. А.В. Крусанова, М.: Гилея, 2014. С. 152–169.